

Алексей Котельников

Рассказы Руфыча

Алексей Котельников

Рассказы Руфыча

<https://litres.ru/74146593>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой книге автор в реалистической, юмористической и сказочной форме описывает жизнь и нравы жителей Уральска и Приуралья (Казахстан). Книга изобилует диалектизмами и выражениями, характерными только для этого края. События, описываемые в рассказах, происходят в 60-70-е годы XX века. Имена действующих лиц изменены, любые совпадения случайны. Для широкого круга читателей.

Содержание

Родословная казака Руфыча	4
Рождество и Весёлый Роджер	8
Адольф Гитлер – ударник коммунистического труда	17
ДЭШЕВЛЭ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Рассказы Руфыча

Родословная казака Руфыча

ЗАМОЧив (Земная ассоциация межпланетного отдела чародеев и волшебников)

председатель на 2015 год, Крук Куадрат

Выписка из отдела кадров земной ассоциации.

Кот-Ельниковы – древний род волшебников и чародеев, основными ремеслами которых были ловля и приручение диких котов. Котов учили разговаривать, сочинять сказки и петь песни. Коты содержались в специальных питомниках засаженных ёлками. Согласно этому ремеслу род получил фамилию Кот-Ельниковы. Под рождество на шею котов привязывали золотые и серебряные цепи и ошейники, сажали под ёлки и на ёлки. Коты рассказывали сказки и пели песни, развлекаая детей и взрослых. Коты пользовались большим спросом у королей западной Европы, так кот Баюн, проданный шведскому королю Карлу X, стоил тысячу межпланетных таргов, что составляло двухгодовой доход чародеев Индии и Китая.

Алексей Руфович Кот-Ельников (Олешта Руфан, он же Леший Рубанович, он же Рубанок) – волшебник, чародей.

Никитировал, дмитровал, производил иринацию, создатель ольгеватора. Из биологической массы и экстракта дере-

ва ольхи создал искусственную женщину Ольга. Вытащив её из ольгеватора, посадил на стул, вытер полотенцем. Зная, что искусственная женщина не умеет разговаривать, ради шутки спросил у неё:

– Как тебя зовут?

Существо выпучило глаза, открыло рот и неожиданно произнесло громко:

– Ольгааааа

Все современные Ольги созданы ольгеватором Лешего Рубанка. Переехав в город, Леший написал диссертацию «Появление призраков путем вибрации телевизионных антенн».

Кот-Ельников Руф Венедиктович (Руфан Красноречивый, он же Рубан, он же Рубила) – яростный приверженец западного волшебника Карлика-Марлика. Самолично вырубал бюсты Карлика-Марлика и ставил во всех селениях кожакоstickов. Возмущенные кожакоstickи сожгли все бюсты Карлика-Марлика. Рубило вынужден был бежать из города Цукерград (п. Сахарный), на озеро Эльтон, променяв сладкую жизнь на солёную.

Кот-Ельников Бенедикт Матеус – волшебник, который взглядом мог забивать гвозди, взглянув на свою жену, которая успела пригнуться, развалил печку за её спиной. Один раз он взглянул на конного урядника так, что на лошади лопнула подпруга, у урядника оторвались пуговицы, и лопнул ремень, он рухнул наземь. Урядник стал извинять-

ся перед Бенедиктом Матеусом, сев на лошадь уехал домой, проехав полпути, он понял, что с лошастью что-то неладно, спешившись с коня, урядник с ужасом обнаружил, что ноги коня были вывернуты коленками назад, а копыта были обуты в лапти и сапоги. Бенедикту Матеусу было запрещено применять магические силы без особого разрешения ЗАМОЧив.

Матеус Себастьян фон Кот-Ельников (Матвей Степанович) – волшебник, чародей. Работал православным священником. Приручал шишиг, обращал в христианство ведъм, научил вурдалаков вместо крови пить чай, уличал многих епископов церкви в связи с упырями, пытался совместить христианство с волшебством и чародейством. На пасху пригласив ведъм, шишиг, вурдалаков, так же пригласил священников соседних приходов. Священники, зайдя в комнату, и, увидев, кто сидит за столом, в ужасе попрыгали в окно. Матвей Себастьян был предан анафеме и отлучён от церкви.

Себастьян Иогансон фон Кот-Ельников (Степан Иванович) – создатель науки негубилистики, боролся против промышленных разработок лесов, ибо это уничтожало сохраняющих лес и богатства земли шишиг, леших и водяных. Живя в лесу как отшельник, Степан Иванович занимался добрыми делами. Он выводил из леса заблудившихся людей, оттаивал и оживлял замёрзших, оживлял утопленников. Выходя сам из леса на дорогу, превращал гаишников в столбы с дорожными указателями.

Иоганн Иоганнович фон Кот-Ельников – волшебник, чародей. Основная работа – разоблачение злодея и упыря Пятки (он же Пятак, он же Питар, он же Питан, он же Патин, он же Петя, он же Пётыр – царь Пётр Первый)

По-старинному преданию, ища свою невесту Алёну (Калёна), набрёл на избушку на курьих ножках бабы Яги, заставил избушку на курьих ножках танцевать рок-н-ролл. Баба Яга вынуждена была пригласить его к себе, затем захотела его съесть, пытаясь засунуть в свою микроволновку. Уходя от Бабы Яги, Иван прихватил с собою полушубок и подарил его искавшей Серого Волка Красной Шапочке. Найдя Алёну (Калёну), Иван женился на ней, но вскорости после свадьбы Калёна умерла, и, опечаленный Иван, назвал свой хутор КАЛЁНА, в последствии кожакостики, прижившиеся на хуторе, дали ему название посёлок Калёный.

Материал любезно предоставлен начальником отдела кадров ЗАМОЧив Аликом Бармолео (Бармалей, он же Алишер, Барма-Улы (ев)).

Текст набран приручённой камышиовой ишишгой Марой Кош-Нехож (Кош-Мар-Кызы).

Выписка дана по месту требования Валё-Якобс Приторкиной – Пригоркиной, редактору газеты «Ка з, а чьи ведомости?!»

РАССКАЗЫ

Рождество и Весёлый Роджер

Хлопок похожий на взрыв, раздавшийся в квартире 36, расположенной на втором этаже дома 167 по улице Фурманова, собрал невольных зрителей происшедшего события.

– Что случилось – Где – Что – Человека разорвало..., – говорили невольные зрители произошедшего, глядя на кровавые куски мяса, дымящегося на снегу.

Окно кухни квартиры 36 превратилось в экран, демонстрирующий какой-то фильм. Стекла были разбиты, из разбитого окна валил не то дым не от пар. Затем на экране появилась какая-то ошпаренная мужская физиономия, и зачем-то погрозив ни в чем неповинным праздным зевакам, исчезла с экрана. Её сменила фигура женщины, голова которой была обвязана полотенцем, а лицо имело самое сердитое выражение. Посмотрев вниз и с ненавистью оглядев груды дымящегося мяса, она также исчезла. Затем из окна вылетела интересная штуковина похожая на космический спутник и самовар одновременно. Штуковина упала в сугроб и стала крутиться пыхтя. Внутри неё что-то пощёлкивало и потрескивало. Невольные зрители происходящего события опасливо попятились назад, в то же время, не спуская взглядов с космического аппарата, ожидая встречи с зелёным гуманоидом. Аппарат попыхтел, и у него отвалилась крышка.

Зрители происходящего убедились, что в аппарате зелёного гуманоида не было. Видимо зелёный гуманоид остался на кухне квартиры 36. Вновь появившаяся на экране окна женщина заткнула дыру огромной подушкой с торчащими из неё перьями, окончательно перекрыв спасительный путь зелёного гуманоида к космическому аппарату. Спустя некоторое мгновение на кухне стало всё тихо. Затем там поднялся гвалт, шум, скрежет, были слышны удары деревянных и металлических предметов, сопровождаемые прерывистым женским визгом и неясным низким бормотанием. По шуму можно было определить, что там происходила борьба. Казалось, что зелёный гуманоид скакал по стенам и по потолку, спасаясь от злых хозяев, которые пытались его ушибить всеми имеющимися там кухонными инструментами. Через некоторое время шум стих и в воздухе повис женский крик на высокой ноте:

– Чёёё-ё-рти хреновы Устрооо-о-или мне Рожжж-ж-дествооо-о Кто теперь всё это будет убирать Пушкин что ли?

Считая встречу с великим поэтом в волшебные праздники нежелательной, из подъезда вышла троица мужчин. Впереди шёл хозяин, видимо сам председатель симпозиума, нос его был оцарапан по причине разногласий, по части теории поиска инопланетного разума, с оппонентом, оставшимся на кухне. Мужчина был одет, так как будто сорвал с вешалки то, что попало ему под руку. На его голове красовалась детская голубая шапочка с помпончиком, одет он был в широ-

кое женское пальто с норковым воротником. Засунув руки в карманы, он бряцал там всякими женскими принадлежностями, вытаскивая то зеркало, то тушь для ресниц, то губную помаду. За ним шёл другой участник симпозиума, одетый в кожаное пальто на голое тело, в левой руке он тащил какой-то длинный шланг, оказавшийся женским шарфом, и теребил хозяина за рукав:

– Петрович Петрович У нас что, вообще нет ничего выпить? Даже роджера не осталось?

– Вечный покой вряд ли сердце обрадует, – орал третий несчастливый участник неудавшегося рождественского ужина, – а для звезды, что сорвалась и падает, есть только миг за него и держись

– За него и держись, – иронично сказал научный сотрудник в кожаном пальто, вкладывая иной смысл в известную песню. – За него, больше тебе ничего не остаётся.

Хозяин же, глядя на пыхтящий космический корабль, видно ему и принадлежащий, говорил, показывая пальцем:

– Вон оно как мне Сорыкварку мою Шарахнуло.

Невольные зрители происходящих событий, поняв, что никакой трагедии не произошло, стали разочарованно разбредаться по своим делам.

– Всякое благо данное в излишестве превращается во зло, – возглашал на рождественской проповеди отец Афанасий.
– Ешьте, но не объедайтесь, пейте, но не опивайтесь.

Прослушав проповедь, и поздравив друг друга с Рождеством, благоразумные миряне ринулись домой к столам, уставленным таким количеством яств, по калориям, хватившим бы на три полярные экспедиции Рауля Амундсена. Все это запивалось озёрами самопальной водки, морями пива и напитками лишь отдаленно напоминающими вино. Скептики не признававшие «монополюку» удовлетворялись деревенским самогоном. Но, как говорит банальная истина, предвкушение праздника лучше самого праздника, а тем более его последствий. Рождество, так хорошо начавшееся, превратилось в пиратскую маску Весёлого Роджера с улыбкой и перекрещенными костями.

Праздник отправил в нокаут всех жителей опившихся и объевшихся за рождественским столом.

– У меня же печень, – говорил сосед Андрей Васильич, – и зачем я ел этого гусяя, – кричал он в открытую пасть унитаза.

– Вот! Вот, – говорил сын, выбрасывая окурок в сугробы сверкающие винегретными пятнами, – про меня говоришь! А сам

– А вить каждый год так, – отвечала Наталья Владимировна с мокрым полотенцем на лбу и грелками на животе.

Ярким костром вспыхнули в городе холециститы, гастриты, колиты и желчекаменные болезни. Бойко работали аптеки, предлагая таблетки, обещавшие одним разом снять все недомогания. И меня не минула сия участь. В семь часов

утра я лежал на диване, страдая от переедания вкусной селёдки. Я думал что сделать – попить стакан чаю или выпить рюмку водки? Из этого раздумья меня вывел ранний телефонный звонок.

Опять поздравления, – с недовольством подумал я, берясь за трубку, – и в такую рань.

– Кто это? – спросил я.

– Лёха, – услышал я прерывистый задыхающийся голос, – это я Костя.

– С праздником тебя, Кость, – ответил я.

– Да подожди, не до поздравления. Слушай, Лёха, выручай. Срочная работа Калым. Понимаешь? – говорил по телефону мой друг Костя, музыкант работающий сантехником.

– А что так рано, Кость? – спросил я.

– Понимаешь, отопление рвануло в одном доме. Я его отключил. Лёха, выручай. Ни до кого не достучишься, все сбодуна. Возьми ключи, приходи к девятиэтажке около третьей школы, – ответил он.

Я положил трубку. Друга надо выручать, – стучало у меня в голове. Наскоро попив тёплого чаю, я надел рабочую одежду, взял два газовых ключа и пошёл на подмогу своему товарищу. Костя стоял во дворе одного из домов и нервно курил.

– Понимаешь, – сказал он, – батарея лопнула, потекла. Сейчас снимем батарею, открутим лопнувшие секции, повесим её назад, включим отопление и всё делов.

– Какой этаж? – спросил я, надеясь на первый.

– Девятый, – сказал Костя.

– Лифт? – с надеждой спросил я.

– Не работает, – выдохнул Костя.

Торопливо стали мы подниматься на девятый этаж по холодеющему дому. Двери квартир открывались, жители, как пристающие к прохожим собаки, теребили нас за рукава:

– Безобразие – Когда включают отопление – Праздник же

В квартире на девятом этаже была минусовая температура. На кровати, укутав ноги старым пальто и набросив на себя три-четыре одеяла, сидела посиневшая от холода пожилая женщина:

– Сынки, – плаксиво тянула она, – делате быстрее, невыносимо холодно

Сняв батарею, мы стали её развинчивать. Батарея была очень старой и не поддавалась. Мы раскололи одну секцию, вторую секцию, третью секцию. Костя сел на пол и закурил сигарету:

– Нет, Лёха, так не пойдет, – озабоченно сказал он. – Короче У меня в подвале соседнего дома есть точно такая же батарея Новая. Моя личная затарка. Лёха, щас пойдем, вытащим её и поставим.

– А эту что? – показал я на сломанную. – Тащить вниз???

– Нет, – сказал Костя. – Мы ее сбросим с балкона, но только аккуратно.

Поставив батарею на перила, мы стали смотреть вниз. Как бы не пришибить кого-то, – опасался я. Внизу взад-вперед

ходил мужчина в искусственной шубе на голое тело и красной лыжной шапочке.

– Эй, мужик, – закричал своим тонким голосом Костя. – Уйди отсюда, я тебе говорю.

Мужик, смотря наверх, спросил:

– Чего???

– Мы батареею будем сбрасывать, понимаешь? Уйди отсюда, я тебе говорю, – повторил Костя.

– Если ты мне на голову эту железку сбросишь, я знаю, что тебе сделаю, – погрозил ему кулаком мужик.

– Вот идиот, – возмутился Костя.

Наконец-то мужика увела вышедшая из подъезда жена. Мы сбросили батарею вниз, она упала, подняв столб снежной пыли. Теперь за новой батареей. Спустившись с девятого этажа, мы зашли в подвал соседнего дома. Он был залит водой, что называется не по колено, а по пояс.

– Батарея-то далековата, – озадаченно сказал Костя. Покидав доски в воду, и чуть ли не окунувшись с головой, Костя стал вытаскивать батарею. Я ему помогал и тоже намочился по пояс. Мокрые, продрогшие, с небольшими передышками мы стали поднимать её на девятый этаж. После небольшого перекура дело было сделано.

– Лёха, слушай. Сейчас я пойду в колодец, включу отопление. Ты смотри за батареей, если она потечет, махнешь мне с балкона рукой, – сказал Костя.

Костя ушёл, и его очень долго не было. Я стал трогать ба-

тарею руками, она стала тёплой. Батарея не потекла. Слава Богу! – подумал я. Выйдя на балкон, я махал Косте стоящему внизу:

– Всё нормально.

Дожидаюсь Костю, я стал медленно собирать инструмент.

– Сынки, – плаксиво говорила бабушка поднявшемуся Косте, – я вам не могу заплатить даже пять тысяч тенгее. Я могу вам тока тысячу четыреста. Злой и уставший Костя стал возмущаться:

– Говорите одно, а на деле другое. Не буду вам ничего больше делать. Ладно, Лёха, пойдем.

И мы стали спускаться вниз.

– Спасибо вам, ребяτέшки, – кричала нам вслед бабушка.

– С праздником вас!

– Тебя с праздником, – пробормотал, спускаясь, Костя.

Дом нагревался и медленно оживал.

– Лёха, пойдём ко мне в мой подвал, – сказал Костя.

Мы спустились в его бендежку. Костя достал из железного шкафа полтарашку искусственного апельсинового сока, поставил стаканы на стол, открыл банку кильки.

– Хлеба нет, ну ладно, – сказал он.

Затем налил сок в стаканы:

– Давай, Лёх За праздник!

– А что, апельсиновым соком будем чокаться? – спросил я.

– Это не сок, Лёха, это роджер. Апельсиновый сок сме-

шанный со спиртом впополаме, – ответил Костя.

Выпив по стаканчику роджера, и поговорив о том, о сём, мы разбрелись по домам.

Я шёл продрогший и очень уставший, у меня болели ободранные ладони и пальцы рук, в моих ботинках хлюпала грязная вода, но на душе у меня было весело, радостно и хорошо. Почему? Да просто потому, что я помог своему другу, а вместе мы помогли людям, а значит, сделали богоугодное дело.

«Разве вы не вытащите овцу, попавшую в яму в субботный день? Не человек для субботы, а суббота для человека», – проповедовал наш учитель Иисус Христос. Я шёл и смотрел на детей, весело катающихся на санках, на девчонок, задорно стреляющих глазками по сторонам, на нарядные ёлки в окнах домов

С Днём Рождения, великий учитель и отец наш Иисус Христос! С Днём Рождения великого учителя и отца нашего Иисуса Христа! Православные, храни Вас Бог!

Конец бесплатного фрагмента

Адольф Гитлер – ударник коммунистического труда

«Формализм – это злейший враг нашей эпохи» Автор
«Погода погодой, а работа работой!»

Л.И. Брежнев

Накачка

– Это безобразие, эт надо, а?... Ведь передовой совхоз, а показатели упали на ше-сть-де-сят ше-сть про-цен-тов, – возмущённо говорил Тимофей Валерианович Таринов инструктор райкома, трясясь в райкомовском газике с брезентовым верхом. Вытаскивал из коробки папиросу "Север" и ронял её на кочки. Пытался закурить, ломая спички.

– Да, что говорить! – отвечал ему шофёр Пётр. – Вить, считай в Германию едем, можно сказать. Сами понимаете, какой там конь-тинь-генть.

Приехав в совхоз, Тимофей Валерианович понял, что чуть-чуть припоздал.

В клубе было уже полно народу. Зал озабоченно шумел. Проходя между рядами, Валериан Тимофеевич слышал немецкую речь, размешанную с русскими и казахскими словами. Да уж, контингент, – мелькнуло у него в голове. Тороп-

ливо поднявшись на сцену, Валериан Тимофеевич поздоровался с президиумом, его возглавлял председатель профкома Николай Брант. На его лице плавала виноватая улыбочка. Он ёрзал на стуле, поминутно звонил в колокольчик и стучал ладонью по столу:

– Тише, товарищи, тише.

В его виноватой улыбочке и ёрзаньи на стуле выражалось его двойственное положение: с одной стороны он был на стороне рабочих совхоза, которых подвела погода, не дав собрать хороший урожай, с другой стороны ему мешала партийная солидарность с работником райкома. Брант понимал, что Тимофей Валерианович приехал делать «накачку».

– Тише, товарищи, а теперь слово имеет инструктор райкома Тимофей Валерианович.

Тимофей Валерианович смахнув с портфеля пыль, стал вынимать из него бумаги с показателями, и, подняв бровь, грозно посмотрел в зал. Зал притих.

Взяв мел и подойдя к доске, стал писать показатели.

– По сравнению с 68-м годом, когда совхоз перевыполнил нормы на две-е-ести процентов по зерну и животноводству, 69-й год тоже очень замечательный, на сто пятьдесят процентов, только единственно, овощеводы подвели.

– А что мы видим в этом году? Показатели упали на шесть-де-сят ше-сть про-цен-тов! Это безобразие! Это при том, что совхоз носит имя Ленина и в совхозе трудится ударник коммунистического труда Каспанбай Уразов. Почему не бе-

рёте с него пример? Почему не перенимаете его опыт?

Зал недовольно зашумел тяжёлыми мужскими голосами. Вдруг с последних рядов голос, похожий на пилораму, прорезал гудение зала:

– Алкаш он, этот твой Каспанбай! Третий месяц на работу не ходит. За него всё делаем.

Голос принадлежал худощавому трактористу, одетому в фуфайку на голое тело, его звали Вилли, по прозвищу «Вилисипед», данное ему за худобу. Мужские голоса в зале глухо зашумели:

– Зря дали этому Каспанбаю ударника, надо было Гитлеру давать.

– Гитлеру? – кустистые брови Тимофея Валериановича полезли вверх.

Лицо его побагровело. Ах, вы, немчура чёртова, да я бы вас, если б в 43-ом году..., – чуть было не ляпнул он. Но вовремя спохватился, подумав: так можно и взыскание получить по партийной части.

С середины зала встал мужчина лысый с тяжёлыми руками:

– Показатели, какие показатели, показатели соответственно погоде. За четыре месяца ни капли дождя не выпало. А то, что в 69-ом году больше половины урожая не могли сдать на элеваторы, так и сгорело под тентами. А Каспанбай никакой не ударник, всё это дутое очковительство. Когда перестанем заниматься этим?

Зал загудел:

– Гитлеру надо было дать ударника, Гитлеру!

Зал перестал быть управляемым. Николай Брант с виноватой улыбочкой ёрзал на стуле и говорил Тимофею Валериановичу:

– Не надо было это собрание проводить, ни к чему оно.

Вдруг с первых рядов встало диковинное существо, необыкновенно высокое и очень худое. Его кепка была так сильно натянута на голову, что уши пошли вразвес и из-под кепки торчал один только нос. Его коричневые брюки были подтянуты под грудь и туго перепоясаны. Было непонятно, где у него находился живот. Ноги были обуты в самодельные сандалии из автомобильной покрышки. Методично помахивая перед собой в такт своим словам, длинным, чёрным пальцем оно начало говорить:

– Сафтра ...утром рано ...нато... ехать полен на лука. Арбайтен алес цузамен...

Ещё долго он что-то бормотал.

– Кто это? – удивлённо спросил Тимофей Валерианович.

– Отто Пиррен, – ответил Николай Брант.

– Какой ещё оттопырин? – удивлялся Тимофей Валерианович.

– Садись, Отто, садись, садись, – махали все на него руками.

Отто Пиррен закончив свою длинную, нудную речь, развернулся и задвигал к выходу на своих диковинных санда-

лиях.

– Овощевод наш знаменитый, – виновато разводя руками, оправдывался Николай Брант.

Зал между тем шумел как улей, и разделился на отдельно спорящие между собой группы. Вилисипед придвинулся ближе к сцене и стал кричать Тимофею Валериановичу:

– А ты сам за трактор садись, не знаешь, даже где у комбайна шестерёнка крутится!

Председатель собрания сказал, всем телом повернувшись к Тимофею Валериановичу:

– Давайте заканчивать, ничего не получится с этим собранием.

Побагровевший инструктор райкома схватил портфель и побежал к выходу.

Вслед ему Вилисипед кричал:

– Портфель не потеряй!

Тимофей Валерианович, выйдя во двор, столкнулся со стоящим во дворе стариком Кашириным. Подвыпивший старик Каширин, ни на кого не обращая внимания, разговаривал сам с собой:

– Эт, здесь не Расея чернозёмна часть, здесь Кызакстан. Здесь, как дуданёт ветер, с жарой в пятьдесят шесть градусов, всё горит без огня. Здесь не пшаницу и каров, а верблюдей надо разводить. Верблюдь – он животное полезное. Три года не ест, не пьёт....

Тимофей Валерианович сел в машину, стал курить папи-

росы одну за другой, ломая спички, отрывисто говорил:

– Всех... на чрезвычайное бюро райкома, и директора, и профком, и агронома.

– Успокойтесь, – говорил ему Пётр, – ведь конь-тин-гентъ такой.

Толпа работников совхоза медленно вываливалась из дверей клуба, явно враждебно поглядывая на газик. К машине подошёл тракторист Иван Купер, и попросил:

– Не повезёте на третью улицу, к третьему дому?

– Эт, к кому? – спросил Пётр.

– Да, к Китлеру.

– К Гитлеру? – поднимая брови, удивлённо спрашивал Тимофей Валерианович.

– К Китлеру. К... к... к – поправил Иван, усаживаясь на сиденье.

В задымлённом чердаке Тимофея Валериановича стало немного проясняться. Райкомовский газик лихо подкатил к третьему дому. Во дворе копал землю широкоплечий с большими руками лысоватый мужчина лет сорока. Тимофей Валерианович стал что-то припоминать. Как по ихнему здравсти, – думал он. Вспомнилась тощая тройка по немецкому языку. Вылезши из машины и подойдя к забору, Тимофей Валерианович протянул руку и брякнул неожиданно для себя:

– Кут эн так!

Мужчина равнодушно пожал протянутую руку и равно-

душно ответил по-русски:

– И вам того же самого желаю.

– А что же вы на собрании-то не были?

– Да не люблю я этих собраний, – махнул рукой Китлер, – мне всё равно Иван всё расскажет. Да и некогда мне, на М.Т.С. надо, потом на ферму, да и здесь во дворе много работы. Ораву-то кормить надо, у меня их шесть.

– Ну, вы извините, мне надо с Иваном кое о чём переговорить.

Он стал говорить через забор с Иваном.

Тимофей Валерианович внимательно рассматривал этого человека.

Так вот какой ты, Китлер, – думал Тимофей Валерианович, смотря на огромные натруженные руки, широкую спину, лысеющую голову, толстый мясистый нос, тяжёлый взгляд серых глаз из-под тяжёлых, кустистых бровей.

Эге, – мелькнуло в голове Тимофея Валериановича, – такой шутить не будет.

Переговорив через забор две минуты с Иваном Купером, Китлер сказал:

– Я понял, Иван, что у тебя за проблема. Вот сейчас здесь докопаю и часа через два приеду к тебе. Трактор будет твой работать, как часики.

Затем пожал руки всем и вернулся к лопате. Валериан Тимофеевич сел в газик, и он лихо запыхнул по дороге. Ехали долго и Валериан Тимофеевич уснул.

Проснулся он от того, что машина стояла. Была уже ночь, и Пётр, матерясь и, чертыхаясь, копался в моторе.

– Что случилось? – озабоченно спросил Тимофей Валерианович.

– Всё. Приехали, – отрезал Пётр. – Будем стоять до утра. Здесь недалеко до перекрёстка. Утром кто-нибудь нас возьмёт на кукан.

Хозяйственный Пётр вынул из сумки бутылку водки, кусок сала, лук, банку рыбных консервов, хлеб. Выпили, закусили, поговорили о том, о сём. Затем улеглись спать, кто как мог. Рано утром Пётр толкнул в бок Тимофея Валерианыча, тот открыл глаза и тут же сомкнул веки, солнечные лучи, отражаясь от снега иглами, вонзились ему в глаза.

– Снег выпал, Тимофей Валерианыч!

– Снег на третье сентября?

– В нашем краю всё бывает, сейчас снег, а в январе жара – Казахстан!

Тимофей Валерианович, слепя глаза, всматривался в горизонт.

– Кажется Пётр, к нам кто-то едет.

Действительно к ним ехала какая-то колымага о шести колёсах.

– А кто это может ехать, это Вилисипед, больше некому.

– А-а-а... а... это тот самый крикливый.

Чудо-техника приблизилась быстро.

Вилисипед спрыгнул из самодельного трактора. Райко-

мовский работник с удивлением рассматривал эту технику:

– Это вы сами сделали такую чуду?

– Сам, сам, – говорил Вилисипед, протягивая трос Петру.

– Сейчас быстро оттащу вас к кому надо.

– Это к... Гитлеру..., – нерешительно спросил Тимофей Валерианович.

– К нему, к нему! – махал рукой Вилисипед. – Перебейтесь ко мне в кабину, в буксируемой машине ехать вам нельзя.

Тимофей Валерианович по лесенке забрался в кабину чудо-техники.

Трактор медленно потащил газик в мастерскую.

Китлер как будто их и ждал. Стоял в дверях и курил папироску.

Молча махнул рукой:

– Загоняйте!

Машину аккуратно закатали в мастерскую. Китлер обратился к Тимофею Валерианычу:

– Я ещё вчера слышал, хотел вам сказать, что не доедете до места. Я вам поставлю детали, но новых у меня нет, поставлю б/у, хватит вам на четыреста км., а потом надо заменить.

Тимофей Валерианыч вышел из мастерской, и сел на перевернутое ведро, накрытое засаленной фуфайкой:

– Да уж, чудеса...

Ударник

Тяжёлым грузом упала награда на грудь Каспанбая Уразова. Подумать только он, простой рабочий совхоза – ударник коммунистического труда.

Он загордился. У него появилось множество друзей, и все родственники стали приглашать его в гости, обмывать награду. Обмывание подзатянулось, шло, шло уже третий месяц. Из одного дома его приглашали в другой дом, из одного совхоза в другой совхоз, из одного аула в другой аул, от самых близких родственников, до самых дальних, все гордились им. Его даже приглашали на свадьбы, и говорили, что у нас на свадьбе приглашённый гость – ударник коммунистического труда. Всё это сопровождалось обильными возлияниями. Сидя в гостях, обливаясь водкой, и нелепо тараща брови, Каспан говорил:

– И я... всё могу! Директора совхоза знаешь? Главного зоотехника знаешь? Я их всех вот так могу держать! – показывал он сжатый кулак. – Прежнего знаешь? Мой труг. А Пельше знаешь?

– Какой еще Плеше? – смеясь, спрашивали гости.

– Не Плеше, а Пельше! – кричал Каспанбай.

– Ладно, – махал рукой его троюродный брат Касым, – отведите его спать, чего с ним разговаривать с пьяным.

Каспанбая вели под руки и укладывали на десять матра-

сов, укрывая одеялом.

На следующий день повторялось одно и то же. Возлияния. Поздравления. Гости. Постепенно Каспанбай начал превращаться в человека, которому надо просто налить. Соседка родственников Каспанбая Салима-апа, видя, как двое молодых людей тащат Каспанбая под руки, говорила:

– Вот так ударник, смотри-ка ногами не шивыряет.

Скоро слово «ударник» приобрело отрицательное значение. Ударник – значит пьяница и бездельник. Салима-апа, говорила, чаёвничая с соседкой:

– Пошла я в магазин за песком, тоже два ударника Васильченко, да Бесенов на бутылку сшибают. Постепенно все стали осуждать Каспанбая, жалея его жену Катиру.

Катира

Тяжелым грузом свалилась эта награда на жену Каспанбая. Встав рано утром, Катира обнаружила поваленный забор.

– Кто мне теперь этот забор поставит? – говорила она соседу старику Каширину, со слезами на глазах. – В доме одни девчонки.

– Эт знаешь кто? Эт григорьевские, – кивал головой старик Каширин.

Из кармана его фуфайки торчало полбутылки водки.

– Это оне на мытацикле, всю ночь они здесь тебеневали.

А знашь кто?

– Кто?

– Асенгеймер, Миллер, Рукавишников, а с ними ещё... Холопин с Брызиным. Это тако хулиганьё. Вот кому медали надо давать, и в тюрьму садить не придется.

– Да ну тебя дед, – махала на него руками Катира, – и без тебя тошно.

Картина Репина «Не ждали»

Рано утром трезвый Каспанбай в новой рубашке своего дальнего родственника Уали, сидел у него дома и пил чай. Уали говорил хмуро, отрывисто угощая Каспанбая:

– Вот лепёшки... молоко... водки у меня нет, я не пью, не курю. Ты... Каспан, образ жизни бросай... Не дело это. Четвёртый месяц пьешь. Этим медалем ты себе авторитет не сделаешь. Просто... человеком надо быть. Сам пойми... Не мне тебя учить. Говорят... твоя Катира... хочет с детьми к матери уехать. Бросит она тебя... Кому нужен будешь?

Каспанбай, напившись чаю, зажав в руке 50 рублей данные ему Уали, с твёрдым намерением бросить «образ жизни» вышел из дома и направился к остановке. В автобусе сидели люди. Они посмеивались, перемигивались, толкали друг друга локтями в бок. Сельчане предвкушали поездку в город на базар, но Каспану казалось, что подсмеиваются над ним.

– Остановите автобус, – хмуро сказал Каспан.

– Зачем? – спросила кондукторша Гуля.

– Останови, говорю!

Водитель Серик остановил автобус и открыл дверь.

Автобус медленно двигался по дороге и Каспанбай шёл рядом с ним по обочине.

– Дядя Каспан, – обращалась к нему Гуля, – садитесь. Вы что, до города так будете идти?

– А чёрт с ним, – сказал водитель Серик и захлопнул дверь.

Автобус, обдав Каспана облаком пыли и выхлопных газов, удалился по дороге. Каспан шагал злой и рассуждал вслух:

– И какой шайтан затащил этих русских в нашу степь? Раньше казахи кумыс пили, мясо ели, а сейчас чай, хлеб, водка. Эх, посмотрели бы предки. Мало того, эти русские немцев к нам загнали! Все хотят у нас здесь спастись. Надо ведь, там у них один Гитлер сдох, а здесь появился.

Затем, присев на придорожный камень, продолжил свои рассуждения:

– Эх, надо было бутылочку красной в магазине взять. Посидел бы, отдохнул бы, выпил бы. Теперь, если этот русский директор совхоза мне будет медаль предлагать – не соглашусь. Всем аулом будем голосовать – против! А медаль – Гитлеру отдам, – сказал Каспанбай и хлопнул себя по груди, но медали на пиджаке не было. – Ме, куда подевался? Оторвался?

Каспан озабоченно стал шарить по карманам. Медали не

было. И вдруг ему на душе стало легко. Он встал с камня и сказал:

– А щёрт с ним, с медалем! Слава Богу, что потерялся, вернее, не Слава Богу, а слава Аллаху!!!

До родного совхоза Каспана довёз рыбак Витька Синельников на своём разбитом ИЖе.

– Много поймал рыбы? – кричал Каспан Витьке, показывая на коляску.

– Скоро доедем, – отвечал Витька, не слыша Каспана из-за свиста ветра и грохота мотоцикла.

Сойдя с мотоцикла и подойдя к своему дому, Каспан неожиданно для себя почувствовал лёгкое волнение. Дом как бы смотрел на него большими окнами, и казалось бы ждал его. Каспан в смятении отворил калитку и вошёл во двор. Во дворе всё было чисто подметено, но чувствовалось отсутствие мужской руки. Валялся плохо насаженный топор, и всё было как-то не на месте. Зайдя в дом, Каспан быстро прошёл в большую комнату. За большим столом сидели тещь, тёща, старший брат жены, младший брат жены, жена, старшая дочка, младшая дочка. Все они враз повернули головы и посмотрели на Каспанбая. Ни тени упрёка не было в их глазах. Они просто сидели и смотрели. Каспан тоже стоял и смотрел на них.

Первой не выдержала младшая дочка Дайнеш. Она вскочила, подбежала и уткнулась лицом в колени Каспана:

– Папочка!

– Так! – сказал тесть, хлопнув ладонью по столу.

Затем встал из-за стола и стал медленно одеваться. Все, как по команде, встали, и стали выходить во двор.

– Каспан, – кротко сказала Катира, – сними пиджак, он весь пыльный, давай я тебе полью на руки.

Бумагомаратель

Л.И. Брежнев

Тимофей Валерианович сидел в своём кабинете и с озадаченным видом постукивал карандашом себе по зубам. На столе лежала высокая кipa бумаг.

В дверь заглянула секретарша Гульжан:

– Тимофей Валерианович... отчёт... начальство требует!

– Да... Гульжан, взять бы все эти бумаги и вон... на мусорку, – он бросил карандаш в кipu бумаг и сдвинул её на край стола. – Всё пишем, пишем, отчёты, расчеты, показатели, и ведь за этими бумагами не видим мы людей... Людей не видим! Вот в чём главный недостаток нашей работы!

Кит

А что Гитлер? Имея фамилию Китлер, Адольф очень не любил, когда её меняли на букву «Г». В молодости часто бивал обидчиков своими чугунными кулаками.

– Да хватит тебе, Адольф, свои руки об дурацкие головы расшибать, – говорил ему отец Роберт, – руки-то у тебя золотые.

За неповоротливость и добродушный нрав друзья дали ему прозвище – Кит.

Он не любил шумных собраний, всяких судов–пересудов, даже праздников он не любил, которые нарушали однообразный ход будней. Всё своё время он уделял работе. Трудился в М.Т.С., на ферме, дома, был замечательным механиком, на слух, определяя поломку в машине. Мог отремонтировать всё, начиная от комбайна и трактора, до ручных часов. Больше всего он любил работу и своих шестерых детей. Не знал он, что придут лихие 90-е годы, и упорхнут его дети из приютившей их в лихолетье казахской степи в родную Германию. А родную ли?

ДЭШЕВЛЭ

В нашем посёлке между магазином и автобусной остановкой, как нельзя, кстати, появилась будка, фанерная, покрашенная в синий цвет. На будке было написано «РЕМОНТ ОБУВИ». В этой будке, по починке обуви, сидел кавказец, лет сорока, полноватый, лет сорока, в огромной кепке аэродроме. Такие кепки поголовно носили все кавказцы, в 60-е, 70-е годы. Звали его Ибрагим. Он имел добродушный характер, и всем сельчанам говорил:

– Нэсите, нэсите ботинки! Нэдорого. Всэм подэшевлэ сдэлаю.

Любимым его выражением было «Дэшевлэ».

Поселившись у бабы Груни во дворе в небольшой двухкомнатной палатке, Ибрагим договорился с тётей Груней платить ей десять рублей. Потом сказал:

– Тота Груня, давай договоримся, я за восэм рублэй жить буду, зато всэм твоим дэтям бесплатно обувь починю! Всё тэбэ будэт дэшевлэ!

– Да, ладно, – махала рукой тётя Груня, – Живи за пять рублей, если дешевле! Ибрагим, ты можешь столб у ворот поменять, а то он совсем сгнил, и наклонился.

– Конэшно, конэшно, – говорил Ибрагим.

– А столб возьми у плотника дяди Васи Бочкарёва.

Ибрагим спрашивал у дяди Васи, – Сколько возмёшь за

столб?

– Пузырь! – говорил дядя Вася.

– А что, нэльзя подэшевлэ? – спрашивал Ибрагим?

– Да, ты что? – возмущался дядя Вася. – Дешевле, чем за пузырь, у нас в посёлке ничего нет!

– Дорого, дорого, – говорил Ибрагим. Взял топор и пошёл в лесополосу. Там срубил сухой карагач и поставил вместо столба.

– А что ж столб-то кривой? – спрашивала баба Груня?

– Нычэго, нычэго! – говорил Ибрагим. – Покрасым красиво будыт, зато вам будыт нэмножко дэшевлэ.

Ибрагим брался за любую работу. Чинил башмаки, клеил велосипедные камеры, чинил примусы, часы, точил топоры и ножницы.

– Всо дэлаэм, – говорил он.

Заведующая магазином Таисия Яковлевна, подошла к Ибрагиму и спросила:

– А вы Ибрагим, можете буквы над магазином нам сделать?

– Конэшно, конэшно, – говорил Ибрагим.

– Сколько возьмёте за работу? – спрашивала Таисия Яковлевна.

Ибрагим, почесав ухо, отвечал:

– С вас, как завмагазыном нэдорого, сэмь рублей, чтоб вам было дэшевлэ.

Взяв у Таисии Яковлевны фанеру, краску, гвозди, и со-

орудив за будкой стол наподобие верстака, Ибрагим принял-ся за работу.

Утром, придя в магазин, Таисия Яковлевна, прочитала вывеску. Вывеска гласила «МАГАЗИНА».

– Ибрагим, – спросила, Таисия Яковлевна. – Ты зачем одну лишнюю букву прибил, убери её!

– Убэрём, убэрём, конэшно

Но, получив свой гонорар, семь рублей, букву так и не убрал.

– Витя, – просила Таисия Яковлевна грузчика. – Убери лишнюю букву.

Грузчик Витя Шустин залез на крышу, видимо, то ли от злорадства, то ли ради шутки, снял четыре фанерные буквы «ЗИНА». Бросил «ЗИНА» в подсобку и завалил старыми ящиками. Теперь над магазином сияли покрашенные буквы «МАГ». «Зина ушла, а Маг остался», – шутили местные алкаши.

Ибрагим заходил в магазин и спрашивал у продавщиц:

– А гдэ Зина?

Гуля, насмешница, говорила ему:

– А Зина ушла, у нее с Витькой Шустиным любовь. Потом зачем тебе Зина? Есть я, есть Татьяна.

– Нэт, я сэр'ьёзно говорю, я про буквы говорю, – сердился Ибрагим.

– Зина, Зина мягкая резина, – стучала в ладони и пела Гуля, потешаясь над Ибрагимом.

Ибрагим махал рукой и уходил прочь.

Так «МАГ» и закрепился на магазине.

– Ты где ситец брала, в «МАГе» что ли? – спрашивали женщины.

– Я щаз, в «МАГ» за сигаретами и бутылкой, – говорили мужики.

Вновь назначенный завхоз в школе Генка Крупин, перейдя из М.Т.С. на работу в школу, стал носить чёрный пиджак, белую рубашку и галстук.

А засаленную кепку тракториста с головы не снимал.

– Я не завхоз, – говорил он, поднимая палец значительно, – а заместитель директора, почти директор!

Директор школы Иван Тихонович Пивоваров, вызвав Генку к себе в кабинет, давал ему задание:

– Итак, Геннадий Васильевич, – обращался он к нему официально. – Грядёт большой праздник у нас в стране. Пятьдесят лет Октябрю! Вам задание: изготовить буквы и прибить на козырьке школы «Пятьдесят лет Октябрю!» и покрасить красной краской. Всё это нужно сделать недели за три до праздника, соответствующие материалы у вас есть, приступайте к работе! А мне нужно ехать в город, в обком вызывают! Да и в больницу надо зайти, что-то сердце барахлит.

Когда Иван Тихонович уехал, Генка пошел к Ибрагиму:

– Слушай Ибрагим, можешь буквы изготовить «Пятьдесят лет Октябрю!» и прибить их над школой?

–Конэчно, конэчно, сдэлаем, товарищ замэститэль!

– Сколько за работу возьмёшь? Только не как на магазине сделай, а нужно хорошо.

– Вам, товарищ замэститэль немножко дэшевлэ будет, – почесав за ухом, сказал Ибрагим, – одиннадцать рублэй!

Притащив из школы фанеру, краску, гвозди и бумажные листки с надписью «Пятьдесят лет Октябрю!», Ибрагим принялся за работу.

– Когда сделаешь? – спрашивал Генка Ибрагима.

– Тры дня и готово! – отвечал Ибрагим.

Через три дня Гена пошёл в школу посмотреть на работу Ибрагима. Буквы были прибиты, но почему-то были покрашены розовым цветом.

Рядом стоял Ибрагим и, глядя на буквы, говорил:

– Вах, вах, как хорошо очэн красиво!

Генка стал медленно читать надпись. Надпись гласила: «Октябрю, лет пятьдесят!»

– Кому лет пятьдесят? – возмутился Генка. – Это человеку может быть лет пятьдесят, шестьдесят! А Октябрю – 50 лет!

– Конэшно, конэшно 50 лет, – кивал головой Ибрагим, – крепко прыбыл. Не одын сыльный вэтэр не вздувает.

– А почему буквы розовые, я же сказал, красные?! – орал Генка.

– Я нэмношко красной краски налил в банку, гдэ синяя была. Чтоб вам было нэмножко дэшевлэ!

– Так, Ибрагим, где лестница? Залазь на крышу отдирай

буквы!

– Нэту лэстницы, Володька мэханик, забрал и унёс в контору, контора закрыта.

– Да ты понимаешь, что за такую надпись директор может получить взыскание по партийной части получить, и мне пошее достанется!

Генка взял щипцы и сам полез на крышу.

– Ты заче-е-ем планку с буквами двухсотками прибил? – пыжась от напряжения, кричал Генка с крыши. – Я ж тебе шурупы хорошие дал.

– Я свои старые гвозды выпрамлял, а ваши шурупы нэ трогал, чтоб вам дешевлэ было.

Генка, переставив буквы, спрыгнул с козырька на землю.

– Видишь, – говорил он Ибрагиму, – 50 ЛЕТ Октябрю, а не лет 50!

– Как было напысано, так и прыбывал, – отвечал Ибрагим.

– Ладно, говорил Генка, – неси красную краску, которую я тебе давал, надо буквы перекрасить в красный цвет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.